

ÉDITION 2023

RUSSE

LYCÉE

TEXTE EN PROSE (au choix : texte 1 ou 2)

1.

Стёкла в наших окнах толстые, свинцовые, а за стёклами — Зона-матушка, вот она, рукой подать, вся как на ладони с тринадцатого этажа...

Так вот посмотришь на неё — земля как земля. Солнце на неё как на всю остальную землю светит, и ничего вроде бы на ней не изменилось, всё вроде бы как тринадцать лет назад. Папаша, покойник, посмотрел бы и ничего бы особенного не заметил, разве что спросил бы: чего это завод не дымит, забастовка, что ли?.. Жёлтая порода конусами, кауперы на солнышке отсвечивают, рельсы, рельсы, рельсы, на рельсах паровозик с платформами... Индустриальный пейзаж, одним словом. Только людей нет. Ни живых, ни мёртвых. Вон и гараж виден: длинная серая кишка, ворота нараспашку, а на асфальтовой площадке грузовики стоят. Тринадцать лет стоят, и ничего им не делается. Упаси бог между двумя машинами сунуться, их надо стороной обходить... Там одна трещина есть в асфальте, если только с тех пор колючкой не заросла... (...) Вон она, та канавка, где Слизняк гробанулся, всего в двух метрах от ихней дороги... А ведь говорил Мослатый Слизняку: держись, дурак, от канав подальше, а то ведь и хоронить нечего будет... Как в воду глядел, нечего хоронить... С Зоной ведь так: с хабаром вернулся — чудо, живой вернулся — удача, патрульная пуля мимо — везенье, а всё остальное — судьба...

Отрывок из повести братьев Стругацких «Пикник на обочине», 1972 г.

Пятый год я разгуливаю вверх ногами. С того дня, как мы перелетели через океан. (Если верить, что земля действительно круглая.)

(...)

Пятый год я разгуливаю вверх ногами. И все не могу к этому привыкнуть.

Ведь мы поменяли не общественный строй. Не географию и климат. Не экономику, культуру или язык.

И тем более – не собственную природу. Люди меняют одни печали на другие, только и всего.

Я выбрал здешние печали и, кажется, не ошибся. Теперь у меня есть все, что надо.

У меня есть даже американское прошлое. Я так давно живу в Америке, что могу уже рассказывать о своих здешних печалях.

(...)

Мы поселились в одной из русских колоний Нью-Йорка. В одном из шести громадных домов, занятых почти исключительно российскими беженцами.

У нас свои магазины, прачечные, химчистки, фотоателье, экскурсионное бюро. Свои таксисты, миллионеры, религиозные деятели, алкоголики, гангстеры и проститутки.

(...)

Кроме нас в этом районе попадают американские евреи, индусы, гаитяне, чернокожие. Не говоря, разумеется, о коренных жителях.

Коренных жителей мы называем иностранцами. Нас слегка раздражает, что они говорят по-английски.

Мы считаем, что это – бестактность.

Из повести Сергея Довлатова «Ремесло», 1985 г.